

П. А. Сыропарова

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА

Репрезентация культурных концептов в каждом языковом сообществе обусловлена спецификой существующей картины мира. Понятие «картина мира» относится к числу широких междисциплинарных понятий, активно используемых во многих областях гуманитарного знания: философии, психологии, языкознании, культурологии, литературоведении и т. д. В самом общем смысле картина мира – это многомерный и сложный по структуре феномен, выражающий целостное представление человека о мире и его месте в нём. Представление о мире включает в себя восприятие окружающей реальности, понимание социальных норм, культурных традиций, научных знаний, философских взглядов и др.

Каждая из научных областей трактует картину мира по-своему. В зависимости от содержания данного понятия выделяют: научную картину мира, нравственную, художественную, религиозную, политическую, социальную и пр. Учёные-лингвисты выделяют и изучают языковую картину мира – мировоззрение определённого этноса, закреплённое в языке.

Понятие «языковой картины мира» восходит, с одной стороны, к идеям В. фон Гумбольдта, немецкого философа и лингвиста. Гумбольдт писал: “Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное” (В. фон Гумбольдт, 2000). С другой стороны – к идеям американской этнолингвистики, в частности, гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа. В научную терминологическую систему понятие «языковая картина мира» было введено немецким учёным Л. Вайсгербером, который полагал, что каждый язык уникален и в каждом языке заложена своя так называемая «картина мира», которая представляет собой способ мышления народа, определяемый языком. Своего рода стиль восприятия действительности посредством языка.

В последние годы языковая картина мира стала одной из наиболее актуальных тем языкознания. Современная лингвистика предлагает различные дефиниции языковой картины мира.

Например, по определению В. Н. Телии языковая картина мира – это неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации.

В. А. Маслова предлагает следующую дефиницию. Языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерный для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями.

Различные трактовки языковой картины мира объединяет определение языка не просто как средства общения, но инструмента, формирующего восприятие и понимание мира, а также транслятора и хранилища знаний о культурной реальности.

В силу того, что паремии являются неотъемлемой частью практически всех национальных языков, их можно рассматривать как универсальное хранилище, содержащее основные представления народа о мире и о человеке в этом мире. Большинство исследователей, как правило, отмечают, что паремии – это изречения, выражающие не только народную мудрость, но и культурный опыт, аккумулированный на протяжении многих поколений.

В современных лингвистических исследованиях активно используется термин «паремиологическая картина мира». Если языковая картина мира представляет собой мировоззрение, закреплённое в языке, то паремиологическая картина мира раскрывается через анализ паремиологического фонда конкретного этноса. Поскольку паремиологическая картина мира является частью языковой картины мира и, соответственно, языкового сознания данного этноса, исследование паремий предоставляет возможность глубже изучить и понять культурные концепты, присущие конкретному языку и, следовательно, определённому народу. В качестве формы репрезентации культурного концепта в паремиологической картине мира выступает паремия. Как отмечает русский этнограф И. М. Снегирев: «В пословицах и поговорках народ высказывает сам себя живее и сильнее, нежели все описания посторонних наблюдателей.» (И. М. Снегирёв, 1996).

Одними из экзистенциально важных понятий, концептуализация которых находит отражение практически во всех национальных языках, являются «пространство» и «время». Для исследователя-лингвиста представляет безусловный интерес языковое выражение концептов, относящихся к сфере пространственно-временных отношений, особенно в разноплановых лингвокультурах, например, таких, как белорусская и китайская.

Паремиологические высказывания со значением «всему своё время» в белорусском языке могут быть представлены следующими примерами: *дарагое яечка да Вялікадня* ‘дорого яичко к Пасхе’, *будзе час – будзе і квас* ‘будет время – будет и квас’. Паремии содержат историко-культурную

информацию, то есть прямые ссылки на исторические события, явления, традиции: в первом случае – христианский праздник Пасхи, во втором – национальный белорусский напиток.

Китайский вариант значения «всему своё время» представлен фразой: **每一粒种子都知道自己的时令** (měi yī lì zhǒngzǐ dōu zhīdào zìjǐ de shíling) ‘каждое семя знает свое время’. В данной паремии прослеживается китайская философия даосизма и естественного порядка вещей. Подчёркивается гармония с природой, понимание циклов жизни. Идея о том, что каждое семя знает свое время, отражает принцип «у-вэй» (无为) – необходимость следования своему собственному темпу и предначертанному пути.

Как в белорусском, так и в китайском языках время обладает неоспоримой ценностью. Ценность времени является культурной универсалией и часто сопоставляется с образом денег. В белорусском языке используются паремии: *час – грошы* ‘время – деньги’ или *час даражэй за золата* ‘время дороже денег’. В то время как в китайском: **一寸光阴一寸金** (yī cùn guāngyīn yī cùn jīn) ‘один цунь золота не равен одному цуню времени’ (寸 (cùn) – китайская мера длины, около 3,33 см). Часть паремии **一寸金** (yī cùn jīn) также используется в китайском языке как самостоятельная фраза с образным значением чего-то «крайне ценного, наиболее дорогого, что ещё больше подчёркивает важность времени в китайской культуре.

Процесс репрезентации концепта «пространство» в паремиях также культурно обусловлен. Например, значение «очень далеко» в белорусских паремиях зачастую выражается с помощью образа чёрта: *дзе чорт хамуты не вешае* ‘где чёрт воротники не вешает’, *у чортавых зубах* ‘в зубах у чёрта’.

«Чёрт» выступает как имя нарицательное, известное среди славянской мифологии как существо из преисподней, живущее в подземном мире. Во многих литературных произведениях чёрт ассоциируется с чем-то далеким, загадочным и даже пугающим, именно поэтому для обозначения удалённых, труднодоступных мест используется его образ.

В китайских паремиях образ далёкого места ассоциируется с небом. Одна из распространённых фраз: **九天云外** (jiǔtiān yúnwài) ‘девятое небо за облаками’. Числительное девять фигурирует в паремии также не случайно. В китайской культуре «девять» считается символом чего-то недостижимого и ассоциируется с высшим уровнем. В традиционной китайской философии «девять» также считается небесной цифрой, так как небеса делятся на девять уровней неземного мира, где девятый – самый недоступный.

Таким образом, даже беглый взгляд на проанализированные паремии позволяет сделать вывод о том, что процесс концептуализации в языке, с одной стороны, имеет общие для разных культур логические принципы и образы, что говорит о схожести ценностей и мышления народов. С другой же стороны, отличие в репрезентации культурных концептов обусловлено национально-культурной спецификой мировосприятия представителей разных лингвокультурных обществ.